

УДК 821.161.3

Губская Ольга

*Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь*

НАРРАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ

В данной статье рассматривается вопрос нарративной специфики произведений С. Алексиевич. Подчеркивается, что факт в текстах писательницы проходит двойную обработку – сначала непосредственно в сознании рассказчика-участника реальных исторических собы-

тий, затем – в сознании конкретного автора, интерпретирующего нарративное событие в наррацию. Последнюю обработку текст проходит в сознании читателя, обладающего своим жизненным опытом и культурной памятью. Таким образом «семиотическая жизнь» текста аккумулирует знаки двух эпох: реального времени, в котором происходило событие, и времени, в период которого происходило «воспоминание о событии».

Ключевые слова: дискурс, факт, наррация, культурная память текста, семиотическая жизнь текста, интертекст, идеологический дискурс, констатирующее высказывание

Тема ключевых исторических событий советской и современной Беларуси, а по сути, и всего советского пространства, представлена в творчестве Светланы Алексиевич особенно, в собственной авторской манере. Темы Великой Отечественной войны, Чернобыльской трагедии, войны в Афганистане, распада СССР, ставшие объектом ее внимания, на первый взгляд уже имеют сложившуюся интерпретацию, при этом писательница наделяет их новым содержанием, показывает читателю в новом ракурсе. Именно этот «новый ракурс» подачи исторических событий вызывает волнение аудитории: так ли происходило на самом деле, нет ли здесь авторского вымысла, а если есть авторская обработка услышанного, то каков ее процент? По нашему мнению, поиск ответов на такие вопросы может увести в публицистические размышления или журналистские исследования. Внимание же литературоведа должно быть сконцентрировано непосредственно на тексте как оформленной наррации. Именно изучение нарративной структуры текста позволит нам сформулировать алгоритм писательской мысли, вникнуть в отношения автор-читатель, выявив нарративные трансформации, определив повествовательные инстанции.

В связи с поставленными задачами стоит обратиться к достижениям научной школы Юрия Лотмана, его работам по семиотике, в которых феномены литературы, истории и культуры представлены как открытая знаковая система, постоянно пополняемая новыми смыслами. В своей монографии «Внутри мыслящих миров» Ю. Лотман отмечает следующее: «Текст – это не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает особенностью сохранять память о своих предшествующих контекстах. <...> Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текста. Это создаваемое текстом вокруг себя

смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории. В результате чего текст вновь обретает семиотическую жизнь» [5, с. 29]. Данное высказывание формирует особый взгляд на творчество писательницы.

Произведения Светланы Алексиевич – это «тексты в тексте», что придает им особую нарративную специфику: первый текст – изначальное движение от респондента к реципиенту, транслирует «культурную память» рассказчика; итоговый обработанный «вторичный» текст, транслируемый через автора – это «трансформация услышанного реципиентом с учетом собственной культурной памяти» [4, с. 32]. Таким образом, итоговый текстовый продукт Светланы Алексиевич (наррация) – сумма контекстов, *связывающих реальный факт прошлого (историческое событие)*, этот же факт в переосмысленном виде (воспоминания участников войны в послевоенное время = *нарративное событие*) и *трансформацию этих явлений* (историческое событие + нарративное событие) *через призму сознания автора* (здесь и далее выделено мною. – О. Г.). Становится очевидным, что факт проходит двойную обработку – сначала непосредственно в сознании рассказчика-участника реальных исторических событий, затем – в сознании конкретного автора, интерпретирующего нарративное событие в наррацию. Читатель же, обладающий своим жизненным опытом и культурной памятью, контактируя с нарратором, создаёт свою систему «семиотических знаков» нарративного события. Соответственно и «память текста», и его «семиотическая жизнь» аккумулируют знаки двух эпох (времен): реального времени, в котором происходило событие, и времени, в период которого происходило «воспоминание о событии».

Важно понимать, что в тексте произведения мы должны видеть не только информацию о реальном историческом событии, но и о событии нарративном. Например, в произведениях «У войны не женское лицо», «Последние свидетели» прочитывается не только информация о Великой Отечественной войне; нарративное событие произведения значительно шире – это продукт переосмысления реального исторического события с учетом событий послевоенной действительности. Соответственно и его «семиотическая жизнь» значительно шире: она вмещает в себя не только знаки военного дискурса, но и советского, авторитетного, о котором подробно (созвучно концепции С. Алексиевич «воспринимать мир через множество голосов») пишет профессор Калифорнийского университета Алексей Юрчак. В своей книге «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение»

он утверждает, что в основе мировосприятия бывшего советского человека лежит «невероятно упрощенная, бинарная модель власти, согласно которой власть может функционировать только двумя способами – либо убеждением, либо принуждением. Эта упрощенная модель власти доминирует и в исследованиях социализма, появившихся в бывшем Советском Союзе после его распада. В них почти всегда советская культура делится по принципу бинарных оппозиций на официальную и неофициальную, «конформистскую» и «нонконформистскую», «официоз» и «андеграунд» [6, с. 40]. Причину такого взгляда на советскую действительность ученый объясняет *«особым расположением исследователя по отношению к советской системе как объекту анализа»*, а именно нахождением за пределами пространственно-временных рамок описываемого исторического периода, которое исследователь называет «внешним расположением». Именно по этой причине, по его мнению, «исследования советской реальности осуществляются и распространяются в контекстах, где политический, нравственный и культурный смысл понятия «советский субъект» приобретает заведомо негативный оттенок, а понятие «сопротивление», наоборот, заведомо романтизируется. То, что многие исторические исследования в постсоветский период проводятся именно под этим углом, безусловно сказывается и на их выводах» [6, с. 41]. Таким образом, А. Юрчак выступает против экстраполяции бинарной мировоззренческой модели на исследовательскую практику и выводы тех ученых, которые анализируют социализм, и при этом используют исключительно бинарные оппозиции для рассмотрения вопросов, касающихся культуры.

Стоит упомянуть, что исследование А. Юрчака открылось русскоязычному сообществу в 2014 году, практически в то время, когда С. Алексиевич получила всемирное признание в виде Нобелевской премии. Этот грандиозный успех пришел к писательнице именно благодаря тому, что в ее книгах бинарный мир персонажей-повествователей оказался в разомкнутом, принципиально небинарном кругозоре автора-повествователя. «С точки зрения искусства, и палач и жертва одинаково интересны. У нас заходи в любой дом – и вы найдете жертву. Напротив, для меня было проблемой вытащить человека из этой культуры жертвы и плача, чтобы он начал рефлексировать. Потому что культура жертвы и плача у нас такая тотальная, что вырваться из нее – это самое трудное. Мне нужно не желание поплакаться, а хотя бы попытка рефлексии, почему наши страдания не конвертируются в свободу? Какой смысл просто в страданиях?» – говорила С. Алексиевич в одном из своих выступлений [2]. Та-

ким образом, концепция исследования социалистической системы Юрчака, согласно которой он не основывает описание советской реальности на противопоставлениях типа официальная/неофициальная культура, тоталитарный язык/свободный язык, публичная ложь/ скрытая правда, поможет нам рассмотреть в произведениях писательницы скрытый советский идеологический дискурс, отражающий широкий диапазон ее культурной памяти. Способность совмещать два типа дискурсов в единую концепцию – особенность творческой манеры писательницы.

Для продолжения исследования мы будем использовать понятия, предложенные А. Юрчаком для описания дискурсивного поля раннего и позднего социализма: *идеологический дискурс*, *авторитетное слово (дискурс)*, *констатирующее высказывание*, *перформативное высказывание*, *перформативный сдвиг*.

Под «*идеологическим дискурсом*» будем понимать – дискурс, в котором роль *господствующей фигуры* принадлежала Сталину – «...только он имел доступ к внешнему канону идеологической истины, лично оценивая различные идеологические и иные публичные высказывания на предмет их соответствия этому канону и лично делая в них соответствующие редакторские замечания и исправления. Его оценки и разъяснения часто публиковались в печати, циркулируя по стране в виде метадискурса, давшего возможность всем лично прикоснуться к канону объективной истины» [6, с. 51]. Диктат действительности или сила идеологического дискурса прослеживается в истории практически каждого, говорящего с нами персонажа книг С. Алексиевич, через одинаковый авторский прием – включение в рассказ своеобразного интертекста в виде политических лозунгов предвоенного и военного времени, которые выполняют функцию констатирующих высказываний⁷. Обратимся к тексту: «С детства, со школы мы слышали: “Девушки – за руль трактора!”, “Девушки – за штурвал самолета!”» [1, с. 59]; «Когда училась еще в седьмом классе, к нам прилетел самолет. Это в те годы, представляете, в тридцать шестом году. Тогда это была диковинка. И тогда же появился призыв: “Девушки и юноши – на самолет!» Я, конечно, как комсомолка была в передовых рядах. Сразу в аэроклуб записалась» [1, с. 60]; «А тут ре-

⁷ Констатирующие высказывания утверждают, описывают или констатируют уже существующие факты. Категория высказываний, которые не констатируют уже существующие факты, а создают новые – то есть не отражают существующую социальную реальность, а что-то в ней меняют, называется перформативными высказываниями. Высказывание является перформативным независимо от внутреннего намерения говорящего, а благодаря принятым социальным конвенциям, в контексте которых оно произносится (Дж. Остин «Как производить действия с помощью слов», 1999. – С. 35)

продуктор заиграл: “Вставай, страна огромная...”. Впервые я тогда услышала эту песню. “Вот выздоровлю, – думаю, – и сразу уйду на фронт”» [1, с. 71]; «Нас воспитали, что Родина и мы – это одно и то же» [1, с. 81]. Очевидно, что данная интертекстуальность не только обращает нас в историческое время, но и подчеркивает характер этого времени: разнообразие возможностей для каждого, динамичное развитие общества, а самое главное – доминанту «лозунговой» формы общения, когда некто с повелительной модальностью обращается к массам, в скрыто диктаторской форме управляет ими. Этот факт реальности, имплицитно представленный автором, не только достаточно ярко характеризует предвоенное время, но и авторское восприятие действительности и писательские установки. И в этих писательских установках явно прочитывается *перформативная сила констатирующего высказывания*.

Свидетели военных событий (респонденты) рассказывают об эпохе Сталина, цитируя его, и это не случайность, а особенность восприятия человеком новой посткультовой действительности: «Поскольку неоспоримое знание канона объективной истины было доступно только господствующей фигуре авторитетного дискурса, с исчезновением этой фигуры исчезло и четкое представление о том, что собой представляет этот канон. То есть исчезла объективная, независимая, внешняя модель языка, на которую можно было равняться при написании текстов... Единственной надежной стратегией, дающей этим людям уверенность, что тексты не выделяются стилистической неточностью, была стратегия постоянного цитирования и копирования текстов и высказываний, которые были произведены до них другими авторами» [6, с. 75].

Таким образом, в рассказах участников военных событий из книг С. Алексиевич мы сталкиваемся с идеологическим дискурсом, который в авторской наррации трансформируется в авторитетный. Более того, он не только трансформируется, но и подается с установкой на критику, подрыв авторитета, а значит, в некоторой степени приобретает перформативную силу – способен создавать новые факты. В этом заключается особенность творческой манеры Алексиевич: для иллюстрации собственной позиции о роли Сталина в постсталинский период писательница талантливо работает с дискурсом. Выводя слова персонажей из реального исторического контекста и вставляя в категорию воспоминаний, обрамленных эмоциями рассказчика уже постсталинской эпохи, она демонстрирует их переосмысленное понимание конкретного фрагмента истории. Фактическое высказывание (реальная цитата) в таком случае становится метафорой времени,

факт же начинает функционировать «как художественный образ, тем самым расширяя возможности писателя. Он открывает перед нами новое явление: писательское переосмысление действительности при конкретных исторических, политических и социальных условиях» [3, с. 248].

1. Алексиевич, С. А. У войны не женское лицо / С. А. Алексиевич. – М. : Время, 2019. – 352 с.

2. Алексиевич, С. А. Я занимаюсь историей чувств [Электронный ресурс] / С. А. Алексиевич. – Режим доступа: <https://press-club.by/kanspekty/svetlana-aleksievich-ya-zanimayus-istoriey-chuvstv>. – Дата доступа: 02.11.2020.

3. Губская, В. М. Гістарычны факт як з’ява мастацкага тэксту / В. М. Губская // Социально-политические и культурные процессы на территории стран Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. научн. ст по мат. III Междунар. научн. конф., Пинск 30 ноября – 1 декабря 2018 г. / Полес. гос. ун-т ; под ред. Р.Б. Гагуа. – Пинск : ПолесГУ, 2018. – Вып. 3. – С. 247-251. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37232586>. – Дата доступа: 02.11.2020.

4. Жылевіч, В. Ф. Раман-прытча ў французскай літаратуры II паловы XX стагоддзя: ад «вечных» пытанняў да сучасных праблем грамадства: манаграфія / В. Ф. Жылевіч; пад рэд. С.П. Мусіенка / УА “Палескі дзяржаўны ўніверсітэт”, Кафедра замежных моў. – Пінск, 2018. – 222 с. – Режим доступа: <https://rep.polessu.by/handle/123456789/14179>. – Дата доступа: 02.11.2020.

5. Лотман, Ю. Внутри мыслящих миров / Ю. Лотман. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 448 с.

6. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. Юрчак. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 604 с.

NARRATIVE SPECIFICITY OF WORKS BY SVETLANA ALEKSIEVICH

Olga Gubskaya

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

o_gubskaya@mail.ru

This article examines the issue of the narrative specificity of the works of S. Aleksievich. It is emphasized that the fact in the writer's texts undergoes double processing - first directly in the mind of the narrator who participates in real historical events, then in the mind of a specific author who interprets the narrative event into narration. The final processing of the text takes place in the mind of the reader, who has his own life experience and cultural memory. Thus, the "semiotic life" of the text accumulates the signs of two eras: real time, in which the event took place, and the time during which the "memory of the event" took place.

Keywords: *discourse, fact, narration, cultural memory of a text, semiotic life of a text, intertext, ideological distourse, statement of statements.*